

Александр Борохов
Сквозь смех и слёзы...

«Издательские решения»

Борохов А.

Сквозь смех и слёзы... / А. Борохов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900838-1

Доктор Александр Борохов. Преподает на кафедре психиатрии медицинского факультета Иерусалимского Еврейского Университета. Автор 50 научных статей и 3-х монографий. Материалы научных статей переведены на английский, немецкий, иврит. Его книги изданы в России, Израиле, Канаде и Германии. Это психологический триллер «Охота на Фазана» и сборник рассказов «По Гамбургскому счёту», обе они достаточно популярны среди русскоязычных читателей в разных странах мира.

ISBN 978-5-44-900838-1

© Борохов А.
© Издательские решения

Содержание

Сквозь смех и слезы... (записки усталого психиатра)	6
Яростный стройотряд	7
Крестный отец – 4	12
Вот такая музыка...	17
Снегурятина	20
Малина	24
Профессор из Африки	28
Гиппократ в операционную!	31
Пингвин в розовых тапочках	34
День Дурака	39
Белеет парус одинокий...	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

СКВОЗЬ СМЕХ И СЛЁЗЫ...

Александр Борохов

© Александр Борохов, 2018

ISBN 978-5-4490-0838-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сквозь смех и слезы... (записки усталого психиатра)

Эта книга писалась больше 20 лет и продолжает писаться, потому что на самом деле у нее два соавтора: Ваш покорный слуга и Его Величество Жизнь...

Почти все рассказы основаны на реальных жизненных историях. Читая эту книгу, Вы будете смеяться, и плакать вместе с героями. Возможно, Вы не раз воскликните: «Такого просто не может быть!», а потом вновь и вновь будете возвращаться к понравившемуся сюжету.

Многих персонажей рассказов автор знал лично, а героем сюжетов для других произведений автору пришлось стать самому. Насколько удалась книга, судить только Читателю, но равнодушным он останется вряд ли!

Яростный стройотряд

История должна знать своих героев, поэтому имена почти подлинные, с поправкой на ветер...

А эта история начиналась так...

Мартовское морозное утро. 11 часов. Среди немногочисленных утренних посетителей, двое скромно одетых молодых посетителей, стояли за столиком и неспешно попивали пиво.

Пивная №6, в народе прозаически называлась «Шайба», хотя к хоккею имела лишь косвенное отношение.

Ну, во-первых, она имела круглую форму, а во-вторых, там работала пожилая, маленькая, тощая официантка, с неизменным «фонарем» под левым глазом. Из-за ее согнутой формы позвоночника и быстрых перемещений от столика к столику, кстати, тоже круглой формы, она носила кличку «Клюшка». Имени ее никто не знал.

Из динамика лилась бодрая песня:

Неба утреннего стяг,
В жизни важен первый шаг,
Слышишь, реют над страной,
Ветры яростных атак!

– Эй Клюшка, принеси еще соленых бубликов и протри наш столик!

Обратился к официантке, тот что был поменьше ростом и в зеленой грузинской кепке-аэродроме и продолжил:

– Ну что, Саня, еще по пиву, и на лекцию. Закусим «жидкий хлеб английского народа», гранитом отечественной науки.

– А что, чебуреками нельзя?

– Чебуреки, это всегда хорошо. Но если мы перестанем грызть этот гранит, то нас загрызут враги!

– Какие?

– Профессура там всякая...

Из динамика радостно неслось:

И вновь продолжается бой,

И сердцу тревожно в груди...

– Так ты едешь с нами или как?

– Да нет, Веня, я уже ездил два раза в стройотряд деньги конечно хорошие, но и пахоты хватает. Я лучше пока на «скорой» покатаюсь. А потом, к первокурсникам, с агитбригадой съезжу.

Бойцы стройотряда выстроились в хмурую, кривую линейку, которой можно было измерить глубину человеческого разочарования.

Перед строем ходил наш старый знакомый, ну тот самый в зеленом «аэродроме».

– Еще раз предупреждаю. В нашем стройотряде сухой закон.

– Это как в Штатах, с гангстерами?

– Нет, это как в СССР, со мной!

– А какая разница?

– Там их судили, сажали в тюрьму, они находились на обеспечении государства...

– А у нас типа, чуть что расстрел?

– Нет, у нас будет проще! В этот же день билет на поезд и на хер отсюда!

– А, заработанные деньги?

- А бабло алканавта будет разделено на всех!
- Ну почему нельзя?! Ведь в других стройотрядах бухают.
- Потому что никто из вас пить не умеет!
- Как это так?
- Хорошо! Базар такой, если кто-то меня перепьет, то быть по-вашему! А если нет...
И он обвел посторонившихся бойцов колючим взглядом.

Расчет был простым, надо было выбрать из своих, самого здорового и сильного. Таким был Бахытжан, два метра полного здоровья. Пятидневное занятие в спортзале со штангой и еще два раза он ходил в секцию бокса. Он приехал из Кызыл-Орды и плохо знаком с местными нравами, и вот однажды вернувшись в общежитие, он застал 12 своих сокурсников с расквашенными носами и фингалами под глазами. То с удивлением спросил:

«Что случилось?» Ему популярно объяснили, что в физкультурном институте существует традиция: два раза в год физкультурники приходят бить медиков, в начале учебного года и в конце, чтоб не забывали.

- А за что?
- Ты чё такой тупой? За то, что ме-ди-ки.

Бахытжан плохо владел русским, но этот маленький недостаток компенсировал значок мастера спорта по боксу. Он взял своего друга Витю Борщенко, который был инструктором по рукопашному бою в спецназе, и они навестили будущих героев спорта.

- Баха, ты там по-аккуратнее, – попросил Виктор
- Ты Витюха за собой следи, это тебе не Афган! – огрызнулся Бахытжан.

Как два торнадо, они прошлись по всем мужским комнатам, отметелив все мужское население физкультурного факультета, которое имело несчастье находиться в своих комнатах. Точнее дверь вышибалась пинком, после этого задавался нестандартный вопрос:

- Ты физкультурник?

После утвердительного ответа, клиент получал в бубен. Если же клиент интенсивно мотал головой, дескать зашел в гости попить чайку, то получал «в печень», как сочувствующий.

Так в историю института и вошло название «медицинский банкет», а первокурсникам объясняли, что в программу было включено всего два отделения «шаманский исцеляющий танец с бубнами» и «печень по-афгански»

Итак, вернемся к нашим трезвым баранам, то есть студентам.

На длинной лавочке выстроилась парная студенческая карта вин: две бутылки водки, две бутылки вина «Талас», два кофейных ликера, 4 бутылки пива «Шахтерского».

Из закусок присутствовали: черный хлеб, 4 луковицы, 5 помидоров, две банки баклажной икры, копченую мойву в картонной коробочке и трехлитровая банка с кислой капустой.

Встреча Вени и Бахытжана, напоминала встречу умудренного зрелого Давида и молодого, горячего Голиафа.

- Правила простые. Поединок выигрывает тот, кто остается на ногах. Время пошло!

Комиссар стройотряда Женя Карасиков махнул красно-белым клетчатым платком, и битва началась.

Бахытжан первым схватил бутылку водки и откупорив одним глотком выпил половину, в то время как Венья личной открывалкой открыл пиво и не спеша начал прихлебывать из горлышка, закусывая мойвой.

- Баха, давай! – орали бойцы.

Баха вторым глотком опорожнил бутылку и победно улыбнувшись бросил ее под лавку.

Венья, выпив первую бутылку пива, спокойно открыл вторую.

- Неплохая рыбка, хотя вобла мне нравится больше.

Баха двинулся к банке с капустой и запустив три пальца вытащив большую щепоть, отправил себе в рот. Дальше он решил заполировать пивом. Мойву он клал в рот целиком, но почему-то к концу первой бутылки пива, он несколько раз промахнулся мимо коробки с мойвой, и с удивлением рассматривал свою пустую руку. При этом он слегка пошатывался.

Среди бойцов послышалось тревожное бурчание.

Веня, нарезав кольцами лук, посолил помидоры открыл вино прихлебывал его не торопясь, из горлышка.

Баха вновь двинулся к банке с капустой, но споткнулся.

Прокатился возглас испуга. Однако, ему еще пока удалось устоять на ногах.

Он обвел болельщиков осоловелым взглядом:

– Пацаны, все ништяк!

После чего ободряюще махнул рукой.

Это был прощальный жест, после чего он рухнул на землю и захрапел.

В гробовой тишине, Веня аккуратно поставил пустую бутылку из-под вина рядом с лавочкой. Съев кусок хлеба с несколькими ложками баклажанной икры, он отрыл бутылку водки. Потом, он уселся на храпящего Бахытжана и в течение 15 минут, допил водку. Бутылку он также опустил рядом с винной.

Кряхтя Веня встал и взяв ликер, взболтал его, а потом отвинтил пробки сделал первый глоток.

– Ну и гадость. Сладкая, – потом в четыре глотка прикончив его, поморщился.

– Завтра наверняка голова болеть будет

После чего тяжелым взглядом обвел притихших строителей своего маленького коммунизма и двинулся слегка пошатываясь к своей палатке. Потом внезапно обернувшись, произнес:

– Ну поняли, что пить вредно. А теперь все спать. Завтра с утра, пахать надо.

А утром началась работа!

Надо сказать, что мастер стройотрядовцам попался что надо, мало того, что он был отличник, он еще и очень хорошо умел считать деньги.

Бойцы строили дома колхозникам, строили добротнo. Рабочий день начинался в шесть и заканчивался к восьми вечера. Еда была так себе, чтобы прокормится Веня послал стройотрядовского врача, принимать местных страждущих, принимая оплату натурой. На столе появилась домашняя сметана, куры, яйца и различные виды варенья.

Прошло ровно три недели, а накладные составленные мастером стройотряда, так и не были подписаны

Вечером все стояли молча у командирской палатки и курили. Паша первым прервал молчание

– Веня, а если они наряды не закроют

– Закроют, куда денутся!

– Закрывать-то они закроют, а вот бабки дадут, чтобы только в студенческой столовке хавать! – уныло произнес комиссар

– У меня есть план! – весело произнес командир Веня

– В гробу они видели твой план, – зло произнес мастер стройотряда Павел Сизов, студент 4 курса строительного института и сплюнул на землю.

– Вот именно в гробу! – загадочно произнес командир, – Ладно я пошел спать, завтра пойду поговорю с председателем.

Разговор честно говоря не получился...

– Надо бы накладные закрыть, Георгий Ильич! Бойцы волнуются...

– Ты что пацан, решил мне, старому коммунисту угрожать? – орал на Веню председатель, – получишь по двести рэ на рыло и с тебя хватит. Видали мы и похитрожопее! И попробуй только стройку прекратить, ты у меня на зону отсюда поедешь!

– Жаль, а я ведь хотел по-хорошему, – спокойно произнес Веня.

Выслушав гневный монолог, командир в задумчивости вышел. Его окружили бойцы, ожидавшие возле правления колхоза.

– Ну, что он сказал?

– Ничего подписывать не будет!

– Я так и знал, что ни хрена не будет! – сказал мастер и ссутулившись пошел в сторону лагеря.

Кто-то по-детски всхлипнул, кто-то запричитал: «Ну мы же пахали, пацаны, честно пахали, как же так?»

Веня поднял голову и сурово произнес:

– У меня есть план! Соберите всю наличку, которая есть у бойцов.

Завтра, пашем так же, как и обычно. Отвечаю, свое бабло мы получим

И вот настал последний день почти двух месяцев каторжных работ.

Труднее всего было достать ящик коньяка «Казахстан», для этого все бойцы скинулись по двадцатке.

И вот последний день.

Свежие помидоры, зеленый лук, розовое домашнее сало, подкопчённая с чесноком колбаса, черный хлеб, соленые огурцы, кислая капуста.

Застолье было в самом разгаре..

– Душновато, что-то тут у нас. Пойду, проветрюсь, – произнес председатель, вытирая вспотевшую лысину.

Дверь не открывалась.

– Что за черт?

– Сергей Петрович, – обратился он к главному бухгалтеру, – вы хоть окно-то откройте! Задохнемся ей-богу!

Сергей Петрович безуспешно попытался, а потом попятился назад, невнятно бормоча и заикаясь

– Там, там, там... В-вэ-все ше-ше-шесть окон заколочены горбылем!

Сотрудники как по команде бросились к окнам. На улице, вокруг дома стояли бойцы на суровых лицах была решимость, каждый держал в руках горящий факел

Все начали суетиться, кто-то пытался позвонить. Но линию была мертвой.

Веня налил полстакана коньяка и поднимая его вверх произнёс:

– Тост! За здоровье присутствующих, – и опрокинул стакан, потом смачно захрустел огурцом.

– Что это? – с суеверным ужасом произнес председатель.

– Казнь, – буднично произнес Веня, – аутодафе, называется.

– Это как?

– Сожгут как Джордано Бруно...

Он обвел тоскливым онемевшее управление колхоза и подвёл итог:

– Три Жанны Д'Арк и шесть Джордано Бруно, со мной семь.

– За что?

– За все... За жадность, обман, использование служебного положения. – Кремация за гос. счет. Да не убивайтесь, Вы так! Вы же здесь не один. Я же тоже не птица Феникс, не воскресну! В огне брода нет... Ну, еще по одной?

– Неужели никакого спасения нет?

– Ну, почему же нет. У каждого спасения своя цена.

– Сколько?! – с выкаченными глазами заорал главный бухгалтер
– С учетом морального ущерба и потери веры в светлое завтра, по две с половиной тонны на брата.

– Тонны чего?

– Как Вас председателем выбрали?! – с укоризной произнес командир стройотряда, – Это по две с половиной тысячи каждому бойцу, ну и мне для солидности пять.

– Грабеж!!! Я буду жаловаться в милицию... Вас всех посадят за умышленное убийство!

– Ну, мне лично это не грозит, я же вместе с вами сгорю!

Тут Зинаида Григорьевна, старший агроном, дородная женщина с огромными стеклянными бусами на могучей шее, вдруг рухнула на колени перед председателем

– Георгий Ильич, я тебя как коммунист коммуниста прошу, подпиши ты им эти сраные бумажки! Не оставь малых детей сиротами! Васятка-то, младшенький – твой!

Председатель окаменел, потом как подрубленные снопы, все сотрудники попадали на колени.

Один Веня сохранял ледяное спокойствие.

Председатель на негнущихся ногах подошел к Вене

– Где подписать? – произнес он глухим голосом

Подписанные бумаги были просунуты под дверь, и комиссар с мастером побежали получать деньги.

Сентябрьское утро. Уже знакомая нам «Шайба». Среди немногочисленных утренних посетителей, двое молодых посетителей стоят за столиком и неспешно попивают пиво.

Тот что пониже, по-прежнему в кепке аэродроме, однако одет с вызывающей роскошью

– Веня, а плащ кожаный?

Тихо спрашивает его собеседник

– Ага, итальянский, я у одного фарцемана за 900 рублей купил.

– Офигеть! А джинсы «Wild Cat»?

Собеседник, отхлебнув пива и пренебрежительно скривившись, поворачивается задом и приподнимает полу плаща, показывая кожаную нашивку «Wrangler»

– Три с половиной сотни отдал, как с куста!

– А у меня только индийские «Avis», – сокрушено говорит Саня

– Деньги тут не главное!

– А что главное?

– Вот... – и Веня протянул лист.

«Правление колхоза «Заветы Ильича» и лично председатель Полевчук Георгий Ильич, ходатайствуют о награждении командира стройотряда №132 Вениамина Котельникова за смелость и самоотверженность, при спасении 9 членов правления колхоза и социалистической собственности, просят представить его к медали «За отвагу на пожаре»

Из динамика лилась жизнеутверждающая песня:

В мире зной и снегопад,
Мир и беден, и богат,
С нами юность всей планеты —
Наш всемирный стройотряд!

13.01.17 16.22+1984

Крестный отец – 4

– Если хочешь быть хорошим врачом, устраивайся на «скорую». Там и только там настоящая практика.

– Да кто туда возьмёт третьекурсника?

– Зачем тебе об этом говорить? Просто добудь бланк из деканата, а мы тебе там забабачаем пятый курс, так что не парься даже об этом!

– А печать? А роспись декана?

– Эх, Шурик, серый ты, как валенок! Я тебе за кого хочешь распишусь, а печать отварным яйцом переводится с зачётки! И всех делов! В Америке я уже сейчас с моими талантами был бы миллионером, а здесь... – Жорик горько махнул рукой.

– А вдруг роды?

– Да ладно, я три года на бригаде почти самостоятельно катаюсь, вообще ни разу о таком не слышал. Это в кино про героические будни советских врачей, чтоб пролетариат уважухой проникся, вместо того чтоб зарплату поднять. Дёшево и сердито. Ты им инфарктника откачал, а они тебе в ладоши похлопали. И все довольны, как слоны Ганнибала.

– А почему Ганнибала? Их вроде там на войне убивали, они типа живых танков были...

– Ну чё тебе не нравится? Не хочешь Ганнибала, пусть будут с Суматры, какая на хрен разница?

– А где это – Суматра?

– Где-где... в Караганде! Я не понимаю, ты хочешь на «скорой» работать, или как?

– Конечно, хочу! Вот только как там насчет родов в машине, я ведь совсем этого не знаю...

– Ну ты и Достоевский... Положил тётку на носилки и дуй себе с ветерком и сиреной. И всех делов.

Два года пролетели быстро, незаметно и без родовой деятельности. И теперь Шурик был на самом деле на пятом курсе меда. Только в отделе кадров удивлялись, как такой толковый фельдшер третий год торчит на пятом курсе. А заведующий пятой подстанцией Антон Семенович даже порывался пойти сам в деканат и разобраться, кто может быть врачом, а кто нет. Шура еле отговорил его.

И вот пришёл вместе с весной сезон гинекологии...

Стояла тихая дежурная ночь, луна светила вяло, вызовов было мало. Молодой фельдшер сладко потянулся и красноречиво зевнул.

– Сергеич, я пойду подушку черепом массажировать. Время уже позднее, «Спокойной ночи, малыши» мы сегодня пропустили, а завтра у меня «Узкий таз и осложнения при родах».

Борис Сергеевич, водитель двадцать пятой бригады, озадачено посмотрел на зевающего фельдшера

– Шурик, тебя случайно в голову в сорок третьем не контузило? Это же только у баб бывает.

– Эх, Сергеич, – и Шурик ещё раз сладко потянулся, – серый ты, как простыня в морге. Кроме баб, то есть женщин, есть ещё и студенты. А они – бесполое создания, как ангелы, только пьют, как черти. Утром часик почитаю, чтоб не заработать два балла. Там у нас профессорша Абдуллина, зверь-баба, всех валит! Бог даст, до утра не вызовут, перед нами ещё три бригады...

Шурик поднялся на второй этаж и, скинув туфли, прямо в халате рухнул на кровать, забывшись беспокойным сном.

– Двадцать пятая на вызов, повторяю, двадцать пятая на вызов!

Собрав в кулак остаток сил, Шурик сполз с кровати.

– Вот ведь козлы! И грипп кончился, и гололёда нет, и Новый год прошёл... Так какого хрена в час ночи людей беспокоить?!

– Двадцать пятая на вызов, повторяю, двадцать пятая на вызов. Шурик, ты где?

– Да иду я, можно сказать лечу к ближнему на крыльях любви, – и, зевая, добавил, – на одном. Второе фашистские зенитчики проббили.

– Александр, – наставительно сказала тётя Паша, – я тебя уже полчаса кричу. Ты же всегда хотел стать хорошим врачом!

– Хороший уставший врач, он как мёртвый индеец: вроде и хороший, да никому не нужен. Кстати, передо мной вон ещё Худайбергенов. Чего его-то, тётя Паша, не послали?

– Так там женщина молодая, боли в животе, ей ещё жить и жить, зачем же к ней «чёрного Худая» посылать. Чтобы потом центр над нами ржал... Ну, ты же помнишь его крылатую фразу из сигналки: «Ж.п. не п.»

– Ага, «жэпэ не пэ», сам ржал, как лошадь Пржевальского. «Жёлчный пузырь не пальпируется», это ж надо так гениально разлентиться. Ладно, пойду хлебну чайку, минут через двадцать выедем. Пока доедем до пятого микрорайона, я ещё в машине покемарю, там надо в объезд, всё перерыли, видимо, опять ищут золотоносную жилу...

Как и обещался, в машине Шурик мгновенно заснул, даже не заметив, как они добрались до места. Как только машина остановилась, кто-то с силой снаружи рванул ручку. И Шурик, разомлевший ото сна, едва не выпал из машины, но в последний момент был пойман бдительным Сергеичем.

– Скорее, доктор, скорее! Она уже рожает!

Перед ними стояла запыхавшаяся женщина лет пятидесяти.

– Чего хулиганите, дамочка! – обиженно произнёс Шурик, – Я ведь мог так и покалечиться!

– Скорее, она рождает!

– Да что вы так орете. У нас вызов – острый живот.

– Это мне так бабушка-соседка посоветовала, сказала, что быстрее приедут. А она, Айгулька, уже рождает!

– Какая Айгулька? У нас вообще другой вызов. Вот, женщина 31 год, острый живот. У вас какой адрес?

– Пятый микрорайон, дом восемнадцать, квартира сорок шесть.

– Ну, вот видите, а у нас...

– Шурик, – с ужасом прошептал Сергеич, – это наш вызов...

– Б... дь! – Шурик пулей вылетел из машины, едва не сбив испуганную тётку.

– Чё стоишь, какой этаж?

– Четвёртый, под крышей.

– У нее муж Карлсон, что ли, который живёт на крыше?

– Почему Карлсон? Бахыт Кенжекеев, он геолог, неделю назад уехал.

– Ну, ничего, первые роды – это всегда долго.

– Это не первые, это третьи.

– Как третьи?

– Третьи, и всё.

– Ничего, всё будет хорошо, пока воды не отошли...

– Отошли полчаса часа!

И тут Шурик вспомнил Жорика и их разговор двухгодичной давности.

– Вот сука!

– Кто?

– Да дружок мой!

Дверь была раскрыта. Фельдшер и соседка вбежали в квартиру. На полу сидела женщина в халате, опершись спиной на диван, и стонала.

– Спуститься сами сможете?

– Нет, мне плохо, я уже рожая.

– Не торопитесь, лучше это в роддоме.

– Я не могу двигаться, у меня постоянно схватки.

– Как вас зовут? – обратился он к пожилой женщине.

– Сауле.

– Хорошо, Сауле. Помогите ей подняться, пусть цепляется мне на спину, так хоть мы спустимся...

– Так в ней сейчас килограммов семьдесят.

– Ничего, я штангой занимаюсь.

Сергеич увидел бегущего Шурика с висящей на его спине и орущей женщиной, а следом бегущую плачущую родственницу.

– Какого хера стоишь? Дверь открой! – рявкнул запыхавшийся фельдшер, и выгрузив женщину на носилки, добавил, – давай мухой гони!

– А в какой роддом?

– В ближайший! Всё, поехали! Включай мигалку и сирену! Давай рацию. Алло, центральная, соедините срочно со вторым роддомом! Алло, второй роддом! Это со «скорой», у нас тут роженица, мы у вас минут через десять-пятнадцать будем. Да я не волнуюсь. Вот только она родить в машине может. У неё воды отошли. Куда посмотреть?! Сейчас... Раскрытие на четыре пальца. Как не можете принять?! Какое на хрен стерильное отделение? Куда?! Да это же почти час езды, другой конец города, не кладите трубку... Алло, алло...

– Сергеич, гони!

Скорая летела, презрев не только правила дорожного движения, но и закон всемирного тяготения.

– Держись, Санёк, через пятнадцать минут будем.

– Всё, – тяжело выдохнула молодая женщина.

– В каком смысле «всё»? – испуганно произнёс фельдшер.

– В смысле рожая...

Шурик ещё раз заглянул «туда», там уже происходило «врезывание головки».

– Сергеич, стой! – заорал фельдшер.

– Так мы же ещё не приехали.

– Мы приехали, – обречённо произнёс Шурик, задвигая занавеску, отделявшую салон от водителя.

– Так, только не волноваться. Где тут у меня «Справочник фельдшера»? Ага, вот он!

Шурик раскрыл главу «Акушерство и гинекология».

– Роды, где же роды? Ага, вот...

Положив на грудь роженице книгу, сказал:

– Тужься, хорошо... Глубже дыши и тужься.

Через пятнадцать минут появился похожий на крупный баклажанчик малыш.

– Чёрт, где ножницы, пуповину перерезать? Где же этот бикс, твою мать? Так, где тут у меня бинт? Сейчас мы его потуже перевяжем. Вот так, нормально.

В ответ раздался громкий плач.

Шурик разорвал халат и, запеленав младенца, положил на грудь матери, сбросив уже ненужную книгу на пол машины.

– А теперь гони! – заорал он водителю, отодвигая занавеску.

«Скорая» резко затормозила перед подъездом. Шурик выпрыгнул из машины и затарабанил в закрытую дверь.

– Открывайте! Вы что спите там, что ли?
Сзади на плечо Шурика легла тяжелая рука.
– Буяним?
Перед ним стоял лейтенант милиции и рассматривал Шурика в упор.
– Когда откинулся?
– Откуда?
– С зоны. Мы тут проезжали мимо – видим, кто-то в роддом ломится. А у тебя ещё и руки в крови. Поедем-ка в отделение разбираться. Только без фокусов.
– Я врач!
– А я добрая фея! Сейчас я тебя отрихтую волшебной палочкой до состояния тыквы!
Тут на помощь опять пришел Сергеич:
– Товарищ лейтенант, он и правда врач, у нас в машине женщина родила.
– Гонишь?!
– Да сами поглядите.
Милиционер заглянул внутрь машины и увидел небольшой белый сверток на груди у женщины, который вдруг начал истошно орать.
И теперь уже три кулака барабанили в дверь.
Выскочил испуганный врач вместе с акушеркой.
– Что вы так орёте, будто она уже родила!
– Уже...
– Блин, несите носилки скорее! А чего у тебя пуповина не перерезана?
– Да бикс хирургический не укомплектовали, вот я бинтом и перевязал...
– Молоток, что сориентировался!
Женщина слабо улыбнулась.
– Спасибо, доктор. А как вас зовут?
– Шурик, то есть Александр, – смущённо произнёс фельдшер.
– Всё, всё! Понесли, – заторопился дежурный врач. – Подожди, я тебе как «отцу», вес и рост скажу, так, для отчётности.
Через несколько минут он выглянул из окна второго этажа и прокричал.
– Апгар восемь-девять, вес три шестьсот, рост пятьдесят четыре сантиметра. Езжай, с боевым крещением тебя, крёстный!

Абдуллина свирепствовала.
– Несчастные десять страниц не могли выучить, да какие к чёрту из вас доктора; сантехники из вас хорошие даже не получатся.
Шурик сидел и отчаянно боролся со сном.
– Господи, до чего распустились студенты, уже ходят на занятия небритые и без халата. Небось, всю ночь хорошо гуляли, – добавила саркастически профессор. – Вот с вас-то и начнем. Да, кстати, тут сегодня необычный случай произошёл: доктору пришлось принимать роды в машине, а у него хирургического инструмента не оказалось, так вот он догадался, пережал пуповину бинтом. Разорвал свой халат и запеленал ребенка. Вот что значит настоящий врач. Хватит спать, я вам говорю, вы хоть слышали, что я рассказала сейчас?
– Роженица Айгуль Кенжекеева, тридцать один год, третья доношенная беременность, тридцать восьмая неделя, родился мальчик, состояние по шкале Апгар восемь-девять, вес три килограмма шестьсот граммов, рост пятьдесят четыре сантиметра.
– Так это были вы?!
– Ага...

– Что же вы стоите, коллега, там сзади гинекологическое кресло, идите и поспите. Да и ставлю вам по теме «отлично»! А мы все ещё на пятиминутке удивлялись – чисто казахская семья, а мальчика Шуриком назвали.

– А вы, – обратилась она к группе, – вместо того, чтобы халаты крахмалить, шли бы работать на «скорую», чтобы стать хорошими врачами!

Но этой фразы Шурик уже не слышал, он крепко спал...

Вот такая музыка...

– Ну, с боевым крещением, – доктор Бродский дружески хлопнул по плечу юного фельдшера, когда они вышли из подъезда на свежий морозный воздух. Несмотря на загазованность их индустриального города, в этом воздухе чувствовался вкус жизни, в отличие от запаха старости, состоявшего из нафталина, пыли и валерьянки, которым насквозь пропиталась квартира, которую они покинули несколько минут назад.

– Вот увидишь, Сашок, через пару месяцев будешь «бить в вену» с закрытыми глазами. Так на каком, ты говоришь, курсе?

– На четвертом, – неуверенно произнес розовощекий фельдшер в больших роговых очках.

– Уже на четвертом, коллега. «Уже» придает больше веса. Да нет же, я не имел ввиду твою геркулесовую фигуру, я вообще о солидности. Ну, герой, залазь в кабину, заслужил.

Довольный Сашка, улыбаясь, залез в кабину к водителю их повидавшего вида «рафика» и услышал через открытое окошко салона гудящий бас Бродского:

– Слышишь, Семёныч, а наш доктор Воробьев сегодня в вену попал, – и, помолчав, многозначительно добавил, – с первого раза.

– Неужто с первого? – с уважением в голосе спросил водитель.

– Да ладно Вам, Владимир Владимирович. Вы же сами меня полночи гоняли, чтоб я с закрытыми глазами через свитер в трубку из-под капельницы попадал, пока она в ситечко не превратилась.

– Учти, Саня, – нравоучительно произнес водитель, – тяжело в лечении, легко в гробу, – и, пригладив седой бобрик, обратился к доктору:

– Ну что, командир, возвращаемся на подстанцию? Вроде матюгальник молчит.

– Добро, Петр Семёныч, давай с ветерком.

– Это мы мигом организуем, – радостно согласился шофер, подмигивая фельдшеру.

Настроение у Саши, несмотря на декабрь, было весеннее. Ещё бы: сам «Вэ-Вэ» похвалил. Честно говоря, за те несколько секунд, пока игла не «провалилась» в вену, он стал «мокрым и пупырчатым, как огурец» по шкале оценки состояния сильного волнения, предложенной всеобщим любимцем пятой подстанции Жориком Ковалём, фельдшером 53 бригады.

Колёса «скорой» почти не шуршали по покрытому изморозью асфальту. Желтые пятна фонарей, подобно гигантским листьям, на мгновение прилипали к лобовому стеклу и таяли в темноте... Порывшись в карманах мятого халата, Сашка достал кассету и важно произнес:

– Берёг для такого случая. Фирменная, концерт из Сан-Ремо.

Через секунду из динамиков послышался приятный голос Тото Кутуньо. Сашка радостно и безгололо подпевал знаменитому итальянцу.

– Заткни ему глотку, – вдруг услышал он резкий крик Бродского. Сашкины «ла-ла-ла» внезапными сосульками застыли в горле. Он непослушной рукой нажал на чёрную клавишу. Звук оборвался, а в ушах Сашки ещё звенел крик доктора. Он обернулся. В полумраке салона лицо доктора цветом было почти неотличимо от халата, лишь глаза излучали боль и ненависть.

– Извините, я не хотел вас обидеть, – ошарашенно произнёс Сашка.

Густое липкое молчание расплзлось по машине. Через несколько минут как-то сразу выцветший голос Бродского произнес:

– Семёныч, останови «карету» и дай мне твой «Беломор – Кэмел».

– Владимир Владимирович, ты же два года как бросил!

– А сейчас начал, – резко оборвал доктор, а затем обратился к фельдшеру:

– Ну что, коллега, пойдём покурим.

Сашка, совершенно офонаревший от внезапной смены настроения начальства, растерянно крутил головой.

– Иди, иди, – подбодрил его водитель, закуривая папиросу, – видимо, есть мужской разговор. – На, – он протянул Сашке мятую пачку «Беломора».

– Спасибо, – тихо произнес Сашка, – у меня свои. И достал «Мальборо».

– Красиво, – присвистнул Петр Семеныч, – ну иди, командир ждёт, всё же не май месяц...

– Владимир Владимирович... – неуверенно начал Воробьев, вылезая из машины, – я не...

– Да ладно, просто иногда болят старые раны...

– Вы что, воевали в Афгане?

– Эх ты, Рембо, – грустно произнес Бродский, – да разве раны только на войне получают?

И в тылу бывает такое...

– Неужели на вызове пером пырнули?

– Во-первых, не пырнули, а «пощекотали» или «поднесли под рёбра»... А во-вторых, урка из тебя, мягко говоря, хреновый, – и он огорченно сплюнул на землю.

Сашка недоуменно смотрел на врача.

– Душевная травма, она, брат, больше... – он глубоко затаился.

– С третьего курса я мечтал стать психиатром. Фрейда, Юнга в светокопиях читал. Окончил «вышку», с «краснеющим», распределился домой – в знойный Ташкент. Проработал два года, стал собирать материал для «диссера». А тут приятель жениться надумал, попросил подменить на дежурстве. Воскресенье, жара, скучища...

Вдруг прямо к приемному покою подъезжает иномарка. Выходит, солидный мужик, с ним дама, и девчонку из салона волокут, а она упирается. Мужик такой видный из себя, а бабьим голосом причитает: «Ну, Лизонька, ну, Лизок, ну, я прошу тебя, пусть доктор с тобой поговорит...» А та ни в какую. Мать ревёт... Короче, надоел мне этот концерт. Я во двор вышел и говорю: «Девушка, может, все-таки зайдёте, я ведь не кусаюсь». А отец говорит: «Смотри, Лиза, доктор-то совсем молодой, симпатичный, он только поговорит с тобой». Короче, вошли, сели. По-моему, статуя русалки теплее и разговорчивей. А эта, понимаешь, молчит, как Зоя Космодемьянская на допросе. Тут отца и прорвало...

– Их было три подружки, дружили со второго класса. Не разлей вода, всюду втроем. И вот два месяца назад такое несчастье – Джамия под поезд попала. Она мне как дочь была. Мать её с инфарктом до сих пор в больнице лежит, а отец... Короче, запил Джафар. А вчера вечером Ирку, их вторую подружку, там же нашли. Попытались с женой хоть что-то выяснить у Лизки, а она только молчит и плачет. Ну пока мы с ней к Иркиному отцу, Сергею Александровичу, соболезновать ходили, мать уборку у нее в комнате затеяла. А под матрацем вот что нашла, – и протягивает мне блокнотик.

Я на девчонку смотрю, а она на мать так смотрит, что та слезами давится. Открываю блокнотик. Ну, ты сам знаешь: песни о любви, всякие мудрые изречения и пожелания...

А на последней странице запись: «20 сентября моя очередь».

Я как это увидел, тут же санитаров вызвал... Короче, госпитализировал. На утро встречаемся, у нее синяки под глазами, говорит, я не сумасшедшая, хочу с вами поговорить... И такое рассказала...

Короче, Лиза и её две подружки влюбились в Тото Кутуньо. Ну, в шестнадцать лет чего не бывает. И решили написать ему признание в любви. Представь себе, достали итальянский разговорник, вложили свои фотографии и послали по адресу «Италия, Рим, певцу Тото Кутуньо». Ну, точно Ваньки Жуковы в юбках. И все бы ничего, да вот поклялись они, что если через месяц ответ не придёт, то Джамия под поезд бросится, ещё через месяц – Ира, а Лиза должна быть третьей.

Я тогда молодой был, горячий; начал её лечить психотерапией. Тогда Фрейд ещё считался «плохим дядей»... Короче, через неделю девчонка без всяких нейрорептиков и антидепресс-

сантов начала в себя приходить, улыбается, в весе прибавила. Ну, я горжусь естественно, а тут меня на хлопок врачом с пединститутом...

Ну, я свои истории доктору Сарыеву передаю. Говорю, что до моего приезда Лизу Вершину, мол, не выписывай. У неё ещё критический период не прошел.

Возвращаюсь через месяц с сельхозработ, сразу в отделение. Спрашиваю сестру, а где наша бедная Лиза? А её, говорит, вчера доктор Сарыев домой выписал... Врываюсь к нему в кабинет, набираю телефон, а дома короткие гудки... Звоню на работу Витьке Гофману, а он так зло в трубку:

– Бюро судмедэкспертизы слушает!

Я ему: ты чего злой, как собака? Да, говорит, с ночного дежурства ещё не ушёл: вчера железнодорожную травму привезли, ни имени, ничего... Девчонка красивая, молодая. Я её буквально по кусочкам сшивал. Одето классно: джинсы «Lewis», футболка французская, а в кармане джинсов, представь себе, странная записка: «Простите, доктор».

– Алло! Алло! Вовка, – кричит, – куда ты пропал, ты меня слышишь?..

Смотрю на эту суку Сарыева, а он сидит, ухмыляется. Ну, я его трубкой по зубам... Видимо, он понял, жаловаться не побежал. Да на завтра я и сам написал заявление «по собственному желанию». Вот и катаюсь пятый год с бригадой...

Доктор умолк. Сашка стоял обалдевший, не чувствуя холодного ветра. Вывел его из ступора хриплый голос Семёныча:

– Эй, доктора, бросай окурки, пальцы стоят. Жизнь не сигарета, дважды не прикуришь! Вызов, в третий микрорайон, сердечный приступ. Нас ждут, поехали...

Снегурятина

Самый сладкий сон под утро, а если это происходит на дежурстве на «скорой» в канун Нового года, то он приобретает привкус верескового мёда. Так говорят...

Но лично Саня никогда не пробовал верескового мёда, потому что ни разу, для особо одаренных повторю – НИ РАЗУ не спал по-человечески. Может быть, сегодня удастся?..

– Двадцать третья бригада на выезд. Повторяю, двадцать третья бригада на выезд.

– Да иду я, иду!

Саня спустил ноги и, прежде чем засунуть их в полусапожки, слегка размял круговыми движениями. Потом широко зевнул и вслух произнёс «утреннюю молитву»:

– Все больные – законченные гады! Господи, пошли им лёгкую смерть, как только прикоснутся к телефонной трубке. Не для себя прошу, а для ближнего своего. Аминь!

Покрутив шеей, как боксёр, надев помятый халат, он начал спускаться на второй этаж. Их подстанция располагалась во дворе обычного многоквартирного дома.

Ещё спускаясь, он услышал переругивания между врачом Галиной Сергеевной Шепитько и диспетчером Степанидой.

– Я туда не поеду!

– Но сейчас ваша очередь.

– Я не для того кончала медицинский с красным дипломом, чтобы трупы перевозить!

– Почему сразу труп?

– А что, по-вашему, будет лежать в декабре при минус двадцати, слегка присыпанное снегом?

– Может быть, человеку стало плохо с сердцем, и он упал...

– Ага, а перед этим догола разделся!

Саня, деловито зевая, зашел в диспетчерскую.

– Чё за шум, а драки нету?

– Тебя интересует выезд на декабрьский номер «Плейбой»?

– В каком смысле?

– В эротическом! На сигналку, а то доктор Шепитько боится ехать!

– Вообще-то сейчас не моя очередь, у меня завтра утром три пары, я хотел отоспаться... – начал отнекиваться Саня.

– Да ты сигналку-то посмотри, – наставительно произнесла Степанида.

Степанида, или баба Степа, была крупной и дородной женщиной, отменной хозяйкой и прекрасно готовила, но Бог не дал ей детей. Она охотно подкармливала подрабатывающих на подстанции студентов. Сашка ходил у нее в любимчиках.

– Можете писать докладную, я на этот вызов все равно не поеду! – произнесла Галина Сергеевна и вышла, громко хлопнув дверью.

Саня ещё раз перечитал мотив вызова, но теперь уже вслух:

– Обнажённая девушка на улице... Снегурочка, что ли?

– Сашка, я тебя очень прошу, съезди! Достала меня эта тощая вобла. Стерва стервой, а думает, что она северное сияние! А я тебе напеку к следующему дежурству таких пирожков с картошкой и капустой, пальчики оближешь.

– Подкуп должностного лица, карается... – начал сурово фельдшер, задумчиво хмуря лоб, как будто вспоминая статью уголовного кодекса. – А сколько будет пирожков?

– Пятнадцать!

– Вот... С этого и надо было начинать! А то «Плейбой», Снегурочка в ассортименте. Ладно, Пётр Васильевич, поди уже, заждался в машине. Пойду я, кстати, дежурю послезавтра...

Через десять минут машина подкатила к продуктовому магазину. На часах было без двадцати шесть. В ожидании, когда привезут бочку с молоком, уже стояло 5—6 граждан с бидончиками и стеклянными банками в авоськах. Рядом одиноко стоял милицейский газик.

– Ну, что? – обратился сам к себе Саня. – Пойдём отрабатывать пирожки!

– Какие ещё пирожки? – спросил, закуривая «Приму», Васильевич.

– Да так, студенческая поговорка, – ответил Саня и выпрыгнул на свежий снег из машины.

Потянувшись и поёжившись от мороза, он оглядел поле битвы. Снегурочки нигде не было!

Из газика выпрыгнул молодой сержант и, увидев Саню, заулыбался.

– Здорово, помощник смерти! – радостно поприветствовал он фельдшера.

– Здорово, шериф! – буркнул в ответ Саня. – Слышь, Серёга, а труп-то где?

– Чей?!

– Ну не мой же! Девушки?

– Какой девушки? – с изумлением спросил сержант.

– Обнажённой!

– Обнажённой девушки?! – уже с ужасом переспросил милиционер. – Ты, Санёк, часом не того?.. У тебя крышу сдуло вместе с домиком, как у девочки Элли из Изумрудного города?

– Слышь, ты, мент из графства Кент, у меня через два часа урология в железнодорожной больнице. На, читай!

И Саня протянул сигнальный лист вызова бригады скорой помощи.

– А, это... Во Колян прикололся! Идём к машине.

– Подожди, я носилки возьму!

Саня подбежал, распахнул задние двери «рафика» и вытащил носилки.

– Всё. Теперь пошли.

Сержант приглашающим жестом широко распахнул правую заднюю дверь газика и произнес с королевской щедростью:

– Забирай!

Саня обалдело уставился на пустой салон.

– Так тут никого нет...

– Как? – испуганно спросил Серёга и сам заглянул в салон. – Так ты внизу не смотрел, под сидениями!

И тут Саня увидел две угольно-черные стопы.

– Негритянка, что ли?!

– Сам ты негритянка; помыть – и будет Белоснежкой!

– Так я и сказал, что труп девушки, – пробурчал фельдшер обиженно, – хорош новогодний подарочек!

– Да какая она девушка? Может быть, и была ею до семнадцатого года! И совсем она не труп, так, подмёрзла слегка, свежемороженая...

Саня скептически потянул за антрацитовые пятки, но тело не желало покидать газик, чем-то там зацепившись. На другом конце машины из-под сиденья послышалось ворчание с отдельными фрагментами мата!

– Так она живая!

– А я тебе что говорил!

– Давай помоги. А то что-то там застряло.

Они дернули разом. Как в сказке репку, и из машины вылетело женское существо неопределенного возраста. Единственным её одеянием был грязно-голубой пеньюар, прикрывавший две трети дряблого торса. Другой одежды не было. Существо пьяно покачивалось на ногах, покрытых грязью и варикозными венами. Взгляд был мутным.

– Ё-моё! Давай положим её на носилки.

Во время транспортировки из «газика» тело при выгрузке повредило себе нос, о чем свидетельствовал красный ручеёк из левой ноздри.

Существо упорно не желало лечь на носилки.

– Поехали, бабуля, поехали!

– Я пока не хочу кататься... Сначала угостите меня портвешком или сухариком...

Тут подвезли бочку с молоком, но стоявшую очередь развивающиеся события интересовали гораздо больше.

– Серёга, прикрой меня. Пора кончать этот цирк, – произнёс Саня и сделал подсечку старушке, которая благополучно приземлилась на стоящие на земле носилки.

– Серый, понесли быстро старуху к машине!

Очередь заволновалась, послышались возмущенные комментарии.

– Глядите, глядите, чего «скорая» вытворяет! А им ещё и милиция помогает, надо сообщить куда следует. Сталина на них нету!

Бабка упорно не хотела помещаться в распахнутый задний проход «рафика». Она сидела на носилках и, раскинув руки, вцепилась в борта машины.

Милиционер с трудом держал заднюю часть носилок, в то время как фельдшер пытался задвинуть в салон переднюю их часть. Наконец фельдшер не выдержал и двинул в желеобразный живот этой зимней Венеры. После чего она сложилась пополам; удалось носилки задвинуть и захлопнуть дверцы машины.

– Они ещё и больных бьют. У кого-нибудь ручка есть – записать номер машины?

– Всё, я погнал, а то ещё телегу накатают.

Саня прыгнул в машину.

– Погнали, Василич, в «пьяную травму»!

«Скорая» рванула с места, из-за гололёда её слегка занесло, но шофер справился с ситуацией, и машина помчалась в больницу.

В 7.05 Саня вкатил больничную каталку в «пьяную травму», где уже начиналась перемена. Фельдшер, зная бюрократическую волокиту, тихо вкатил «Снегурочку» и попытался исчезнуть. Но счастье вновь изменило ему.

Он был замечен интерном Турсунбаевым.

– Чего ты нам притащил? – спросил молодой доктор насторожено.

– Да так, привёз обнажённую девушку...

– Гонишь! Стой здесь, – и он рысью бросился в ординаторскую. Послышался топот монгольской конницы, и в приёмный покой вбежало четверо врачей, во главе с заведующим Владимиром Ильичом, который сам себя называл «Не-Ленин».

– Где, где она, наша Снежная Королева? – с азартом спросил Не-Ленин.

Саня отступил в сторону и показал пальцем на каталку... Прокатился тяжёлый вздох, как будто сразу из четырёх футбольных мячей выпустили воздух.

– Слышь, ты, Айболит сраный, ты что, поприкалываться решил? – змеиным шепотом зловеще прошипел заведующий.

– Как написано в сигналке, так и сдаю, – упрямо произнёс Саня.

– Тогда всё по протоколу. Что ж, начнем с осмотра материальных ценностей поступившей. Зовут-то вас как? – обратился врач к бормочущему созданию.

– Кава.

– Как-как?

– Ка-ва, Ка-ва...

– Странное какое-то имя.

– Да какие тут ценности? Все и моральные, и этические, и материальные, утеряны при невыясненных обстоятельствах... Может, я пойду? У меня сегодня последний день цикла урологии.

– Ты не умничай, лучше посмотри, что у неё во рту...

Действительно, у Снегурочки во рту что-то было и мешало ей произносить звуки.

– У вас роторасширитель есть?

– Для тебя у нас ничего нет. Ты ручками, ручками...

Саня с улыбкой висельника полез ей в рот. И тут боль шилом пронзила указательный палец, и он резко отёрнул руку.

– Старая зараза!

– Я не зараза, а Клава! – обиженно донеслось с каталки.

Из Сашкиного указательного пальца текла кровь

– Ладно, – смягчился Владимир Ильич, – по причине ранения на боевом посту отпускаю тебя с миром. Машенька, перевяжи палец нашему Самсону.

Симпатичная медсестра обработала перекисью палец, помазала йодом и туго забинтовала. Посмотрев на свою работу, сказала:

– Хорошо бы сделать ещё противостолбнячную сыворотку.

– Ничего, заживёт как на собаке, спасибо за спасённую жизнь, – буркнул Саня и двинулся к выходу

– Чего скис, Санёк, тут баба Степа по рации звонила, спрашивала, как у тебя дела? И ещё спросила, точно ли она запомнила «пятнадцать»...

– Ну-ка, дай мне рацию.

– Степанида Михайловна, это фельдшер Круглов, не пятнадцать, а двадцать! За что ещё пять? За производственную травму! Как с чем? Конечно, со снегурятиной! Все поехали на подстанцию...

Малина

– Кра-с-с-сота, – удовлетворённо заключил Сема, придирчиво оглядев себя в зеркало, и бережно поправил виндзорский узел модного чешского галстука.

– Ну, Нин Петровна, я к взлету готов! Что там у нас следующим номером программы...

Пожилая диспетчер подстанции «скорой помощи» устало вздохнула и монотонно произнесла:

– Следующим номером нашей предновогодней программы: «Коля порезал руку».

– И всё?

– И всё, подвиг спасения человечества отменяется; приговор окончательный, обжалованию не подлежит, – вынесла свой вердикт диспетчер. – Короче, Семён, бери-ка ты, друг ситный, сигналку, и дуй мухой по этому адресу.

Учитывая тишину засыпающего микрорайона, «Рафик», неслышно шурша шинами, подкрался к подъезду пятиэтажной стандартной «брежневки».

– Вроде бы здесь... Сём, ты там не застревай как заноза в заднице, ещё вызовов полно...

– Сергееч, все будет чики-чики, на высоком профессиональном уровне современной медицины...

– Короче, Склифосовский, пришей клиенту руку... Или отрежь, только быстро!

Сёма захлопнул дверь «скорой» и решительно шагнул в тёмное чрево подъезда...

– Вот ка-а-злы, опять лампочку грохнули... А вот наш ответ Чемберлену, – и Сёма, достав из халата фонарик, включил его.

Искомая квартира находилась на втором этаже. С дверью творилось что-то неладное...

И это «неладное» поражало воображение...

Дверной глазок находился... внизу. Сёма для верности присел на корточки и ещё раз посветил вниз. Точно, дверной глазок; хорошо хоть не оптический прицел, и на том спасибо... Так, с глазком всё ясно.

Симметричные царапины разной длины по четыре в ряд хаотично пересекались по всей двери. Они что, здесь по ней граблями водили?

Дверной звонок представлял не менее убогое зрелище, он был жестоко извлечён из стены и висел на двух проводках. Так как «операция „Звонят, откройте дверь!“» требовала двух рук, два бикса Шimmelбуша были опущены на пол лестничной клетки. Раздалось нечто похожее на трель кастрированного соловья... Мило...

Через непродолжительное время за дверью послышались шаги, хищно лязгнув замок, и дверь распахнулась... В проёме, облокотившись на дверной косяк, возникла дама. Наряд её был по-спартански скромн. Во-первых, он не скрывал пышность ренуаровских форм, лишь слегка прикрывая плечи и монументальные бедра. Во-вторых, вырез был достаточно глубок, чтобы достоверно определить размеры «райских яблок», видимо, подвергшихся чернобыльскому «солнышку». И наконец, в-третьих, от пеньюара времен французской революции несло легким морским бризом смеси пота, пива и «Шипра».

– Опаньки, Айболит, нарисовался – не сотрешь! – плотоядно улыбнулась гостю близняшка Грицацовой.

– Я по делу, – серьёзно произнёс молодой доктор.

– По делу у нас только менты приходят...

– У вас Коля порезал руку, – пропустив фразу гостеприимной хозяйки, произнес эскулап.

– Кто, ты чё гонишь, лепила, – начала малоприятный диалог хозяйка и вдруг осеклась. –

А, Колюня, так он об закусь порезался, когда банку с килькой открывал, уже полчаса как свинтил домой...

– Так, – мрачно произнес Семен, – ложный вызов. Может, пустите в свою пещеру Аладина бумаги заполнить? Сим-Сим, откройся!

– А я не Сима, я Клава, – кокетливо дернув плечиком, похожим на крупный бильярдный шар, сладко произнесла дама, – и я уже открыта... Заходи, коли не шутишь.

Пройдя тёмную небольшую прихожую, Клава жестом Игря Кио включила свет.

Словосочетание «культурный шок» недостаточно полно описывает пережитое Сёмой потрясение, он только выдохнул:

– Ё-мое, картина Айвазовского «Приплыли»...

И на самом деле плыть было дальше уже некуда...

Это был какой-то сумасшедший дизайн интерьера в стиле Дали – Гауди с элементами Мухиной.

Слева от входа стояла тахта с ворохом лоскутных одеял, а в противоположном углу – телевизор. Видимо, телик показывал не те передачи, и его в прямом смысле поставили в угол, развернув экраном к стенке. Прямо перед глазами Сёмы висела копия картины Шишкина «Утро в сосновом бору». Удар по русской природе был нанесен справа от центра. Стекло, ограничивающее предзакатный сумрак, было разбито, а один из косолапых был вырван из среды обитания прямо с деревом.

Под картиной смело располагался футуристический натюрморт «гуляем по-русски» – трехлитровая банка с солёными огурцами, две открытые банки с килькой в томате с небольшим добавлением «бычков» от «Беломора», стоявших прямо как трубы на легендарном «Титанике». Кирпич черного хлеба был разломан на три части, бублики с маком лежали вповалку, из-под них торчал хвост воблы. Завершала картину «карта вин» – две пустые бутылки «Столичной», полупустая «777» и дюжина «Шахтёрских».

Три разнокалиберных стакана не вдохновляли своими мутными остатками. Сервант без стёкол, стоявший справа от доктора, был украшен симметрично свисавшими селедочными хвостами.

– Ласково просим к нашему шалашу, – радушно пригласила хозяйка.

Сёма, предварительно взяв полотенце, висевшее на спинке стула, и очистив себе «жизненное пространство» на столе, поставил на условно-стерильную поверхность свои «кастрюли». Врач, примостившись на колченогом стуле, принялся терпеливо заполнять «сигналку».

– Так... Значит, Коля, фамилия – прочерк, возраст – прочерк, адрес – прочерк, со слов очевидца: рану перевязали чистым платком («Ага, чистым», – подумал Семён), и продолжил, – отмена вызова, распишитесь, пожалуйста.

– Может, чифирнём?

– Нет-нет, спасибо, я, пожалуй, пойду, – начал было отказываться Сёма.

И тут одеяльный Везувий пришел в движение. Сначала появилась нечёсаная и косматая голова с помятой как грейпфрут физиономией, на полуприкрытых веках было отечканено в тату «Не буди!» и «Они спят». Голова с постепенно открывающимися мутными глазами медленно поворачивалась перископом немецкой подводной лодки. Доехав до доктора, «перископ» начал было возвращаться на исходную позицию, но неожиданно замер и вернулся назад, уставившись на врача. Из глубины капитанской рубки донеслось:

– Щегол, а ты чё здесь на хате делаешь?

Сёма патетически произнёс:

– Перед вами советский врач, и попрошу относиться к нему с уважением.

– Чего? Ну, всё, хана тебе, фраер, – и, вздохнув, «перископ» начал медленно подниматься. Это было ужасное в своей эстетике и одновременно завораживающее зрелище.

«Человек-Третьяковка» мог соперничать по обилию сюжетов с Лувром, Уффици и Прадо, вместе взятыми...

Грудь криминального Голиафа чуть пониже ключиц украшали две восьмиконечные звезды и надпись: «Держи колеса в колее тягача». Чуть ниже располагался шестиглавый Собор Василия Блаженного, на фоне которого витязь бился с драконом, под ним два монаха тянули толстые канаты, спускающиеся в пах, между ними располагалась надпись: «Вставай Родимый». Сокровища паха были скромно прикрыты сползающими трусами модели «пожар в джунглях». Бёдра украшали девушки, одна в гусарском кивере и со шпагой, вторая в эсэсовской пилотке со «шмайсером»; другие детали экипировки отсутствовали. На коленях были опять восьмиконечные звёзды, на щиколотках разорванные кандалы, на стопах синели какие-то трудночитаемые уголовные афоризмы русского Вийона.

Пальцы были щедро унижены «синими» перстнями. На правой кисти располагалась свирепая пиратская физиономия с зажатым между зубами ножом, на лезвии которого была начертано имя «ИРА». На левой был оскаленный череп и надпись «МИР». На плечах красовались эполеты...

Голиаф был узловат, мосласт и без малого двух метров; явно криминальной биографии...

– Шас я тебя грохну, – скучно произнес верзила и зевнул. Бдительная Клава бросилась, причитая по-бабьи, к тюремному исполину.

– Геночка, ой, что ж это делается, ты же за прошлое ещё не отсидел...

– Убью, – тупо произнес Гена и протянул верхние конечности в сторону горла несчастного эскулапа.

В Сёминой голове мысли-мгновенья пронеслись «как пули у виска» куда-то в чёрную пустоту... «А вот и рабочий с молотом. Сейчас прольётся чья-то кровь. Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает... Надо снять халат, заведующая подстанцией говорила, что драться в халате неэтично... Работать только на короткой дистанции, нырок под правую руку и в ливер, а потом урокен в висок... Если не успею... считайте меня Гиппократом!»

– Все равно убью, – щелкая своими клешнями возле морды-лица врача, монотонно произносил расписной Ромео, в то время как пятипудовая Джульетта повисла на его жилистой шее.

– Ба, какие гости в нашей юрте, – вдруг услышал Сёма голос сзади и, обернувшись, посмотрел на говорящего затравленным взглядом.

Оказывается, квартира-то была двухкомнатная.

Это была дама в самом полном смысле этого слова, её смело можно было назвать либо мечтой Ренуара, либо музой Кустодиева... Ей было слегка за пятьдесят, на её правом плече красовалась написанная в столбик печатными буквами татуировка «ЛЕНА», чуть ниже и горизонтально было написано «САТУРН». Её глаза светились нечеловеческой добротой.

Гена как-то вдруг резко сбавил обороты, и лязганье клешней внезапно остановилось.

Цыкнув зубом, Лена пристально посмотрела на Гену и вяло-презрительно произнесла:

– Ну, ты, сука лагерная, чё не в тему кипишуешь, закрыл вафлerezку и в шхонку, мухой!

– А я чё, а я, мама, ни чё, я – всё!

Последняя часть фразы была произнесена Геной уже из-под одеяла, и только горящий от ненависти и унижения Генин глаз буравил докторский халат...

– Доктор, – по-домашнему обратилась спасительница, – а у меня головка бо-бо...

Сёма расправил плечи.

– Не вопрос, айн момент, мы всё починим, вот только давление смерим.

Вообще-то манжета предназначалась для обычной руки, объём ноги половозрелого слоненка не был предусмотрен стандартами отечественной медтехники.

Семён кое-как с помощью бинта «и какой-то матери» закрепил манжету на новой пациентке. Резиновая груша качала воздух без перерыва на обед, но стрелка на манометре была мертва...

– Доктор, а вы трубочки соедините... – подсказала бандерша.

Однако все равно ничего не было слышно!

– А вы слухалку в уши вденьте...

Такого давления не бывает, точнее – бывает за минуту до инсульта, а там и до кладбища рукой подать... 280/160.

– Вы, наверное, немного выпиваете, – начал деликатную тему Сёма.

– Ой, да кто там пьёт, пару стаканов «беленькой» для аппетита...

– В праздники...

– Если бы я ела только по праздникам, давно бы уже сдохла...

– А как насчёт курения?

– Да бросаю я; уже всего две пачки «Беломора» в день...

«Так, попробуем фирменный коктейль: папаверин с дибазолом по вене, и в попарик – десятичку магнезии».

Уже через двадцать минут давление начало решительно снижаться.

– Ой, доктор, ну спасибо, пошла-ка я дальше спатеньки... А ты, Клавка, врача хоть чаем угости...

Как только в соседней комнате стихли шаркающие шаги, «Везувий» вновь вернулся к жизни. Гена, плотоядно улыбаясь, начал восставать с тахты, довольно приговаривая: «Ну вот и всё!»

Сёма решил не ждать продолжения банкета и, захлопнув крышки биксов, рванул к выходу. Перехватив один из биксов под мышку, свободной рукой открыл дверь и выпорхнул из клетки. Не услышав шагов погони, он начал напевать: «Ягода— малина нас к себе манила...»

Сумрачный Сергеич бросил окурочек «Примы» в окно.

– Ну ты и даешь, Семён. Чё такой красный? Чаи, что ль, гонял?..

– Ага, с малиной...

– М-м-м, малиновое варенье, это душевно.

– У меня на него аллергия...

– С каких это пор? Ты ж вчера с Лешкой с двадцать третьей бригады литровую банку умял, которую я от тёщи привез?

– С сегодняшнего дня. Ладно, поехали, посмотрим, какие ещё ягодки остались...

Профессор из Африки

Психбригада №9 была опытная и не раз прошла «обкатку танками», точнее «обкатку сумасшедшими бабками», а это гораздо круче, просто потому что танки бывают один — два раза в жизни, а бабки — каждый день. О подвигах «девятки» ходили легенды, ну легенды скорее походили на сказки, с хорошим голливудским концом.

Вот эта легенда начиналась так.

Сначала был... нет, не слово, я же не Библию пересказываю, так вот сначала был звонок. Нет не ужастик «Звонок», а просто телефонный звонок.

Какой-то добрый самаритянин позвонил на «03», и не менее добрая диспетчерша перевела его на нашу подстанцию. Встревоженный голос сообщил, что в квартире напротив творится что-то недоброе, сначала были звуки напоминающие кошачий вой, с прищемлением хвоста и без оркестра, а потом голос перешел на шепот и сообщил, что звуки напоминают крик роженицы.

Наш диспетчер пытался слабо отбиваться и перевести стрелки на родную милицию, но голос в трубку так жалобно ныл, при этом начал активно интересоваться паспортными данными диспетчера, а тому что-то подсказывало что это будет явно не благодарность. И диспетчер...сдался.

– Хорошо, – деловито произнес он, – Мы пошлём туда самую опытную бригаду – НЛЮ.

– НЛЮ, – ошарашено спросил голос, – они что инопланетян лечат?

– Неотложное Лечебное Обследование. Что касается инопланетян, были случаи... – добавил он многозначительно, – диктуйте точный адрес.

– Вот орлы, лететь вам в теплые страны, на улицу Первомайскую, дом 18 квартира 45.

Врач, прочитав причину обращения, скривил рот так, как ни при одном параличе не получится.

– Витька, что галоперидол прекратил принимать? Какие на хрен крики о помощи, необычного характера. Мы что шаманы тебе или пожарные? Вон в Штаты позвони, там доктор Хаус принимает круглосуточно...

– Хотите едьте, хотите, нет. Только позвонивший, записал точное время вызова.

Санитар Жора был суров и беспощаден.

– Слышишь ты, градусник недоделанный, ну чего ты нам всякую хрень пихаешь. Боюсь, что станешь ты вскоре профессионально не пригоден.

– Из-за чего? – с удивлением спросил диспетчер Хорько, по прозвищу Хорек.

– Из-за травмы уха.

– Нет у меня никакой травмы, да и откуда ей взяться?

– Думаю будет, – Жорик посмотрел на часы многозначительно, – минут через 45 максимум через час.

– Почему такая точность? – с испугом спросил Витька-Хорек.

– Как с вызова вернемся, так и... Ты лучше очередь заранее закажи, – с отеческой заботой произнес Жора Ахмадуллин, по-боксерски разминая свою шею.

Когда бригада приехала к пункту назначения, уже смеркалось.

Дверь как дверь, вот только почему-то никто не реагировал на дверной звонок.

– Спят они там, наверное? Ломать теперь что ли или милицию звать будем?

– А ты толкни, – порекомендовал Жора.

Дверь со скрипом приоткрылась.

Жора как самый бывалый в бригаде, остановил рукой доктора и второго санитара Бахытжана.

– Входим медленно, а то вдруг там засада. Помните, как полгода назад, психбригаду из центральной, под Новый год всю завалил один псих с ножом? Там, тоже дверь была приоткрыта... Значит так, первым иду я, потом Баха, а потом Вы Станислав Александрович.

Вошли «паровозиком», друг за другом, и остановились в темном коридоре.

Звук «Бау-ууу». Над головами. Стрела пробила дверь.

– Ложись! Засада! – скомандовал Жорик, бросившись на пол.

Там, где они только что стояли воткнулась вторая стрела. Так что Жорик родился второй раз, несколько секунд назад

Поползли по-пластунски, двигая перед собой импровизированные щиты-биксы с медикаментами. Налево была кухня, без признаков опасности.

Дальше был зал с открытой дверью, откуда хорошо просматривалась входная дверь и хорошо простреливаемый коридор. Следующая стрела подтвердила это, издав печальный звук «Дзинь!», отскочила от металлического бока бикса.

– Не высовываться из укрытий! – вновь скомандовал Жорик.

Жорик на мгновенье выглянул из-за дверного косяка и в тоже мгновенье стрела, впилаясь в дерево, сантиметров на десять выше Жориного лба.

Увиденное сильно потрясло бывшего фельдшера. Несмотря на мусульманское прошлое Ахмадуллин перекрестился и произнес:

– Больше не буду брать двойных дежурств, а то сам стану себе пациентом.

– А что там? – с тихим ужасом спросил Бахытжан

– Там дикая Африка!!!

Картина, увиденная Жориком, напоминала виденный недавно по видею отрывок из фильма «Копи царя Соломона»

За большим кожаным диваном, как за крепостной стеной замка, стоял сухопарый мужчина в круглых очках, в оранжевой набедренной повязке. Все его тело, включая лицо, было разукрашено красно-белыми полосами. В руках он держал лук, а сзади стояла большая искусственная пальма.

– Я вождь племени масаев, профессор Бутурумба Зайцев. Я не стану вашим рабом, и вы подлые белые наемники, не отберете у меня свободу и сокровища! Апартеид не пройдет! Свобода или смерть!

Воспользовавшись короткой паузой Жорик давал распоряжения:

– Т-а-ак, мы так долго не продержимся! Станислав Александрович ползите на кухню, там есть кухонный стол, будем его использовать как большой щит. А ты, Баха давай, за посудой, там вроде сервиз какой-то стоял... – давал распоряжения Жорик

Потом они совместными усилиями перевернули тяжелый дубовый стол и перетащив его ко входу в гостиную, заняли оборону.

На кухне был найден сервиз «Мадонна» на двенадцать персон, тарелки и чашки использовались как осколочные гранаты, так как Жорик рекомендовал кидать их в стену за профессором или в потолок.

Стол был утыкан стрелами как гигантский дикобраз.

Неожиданно все прекратилось.

– В атаку! – закричал Баха и поднялся в полный рост с молочником в руке.

И тотчас что-то попало ему в лоб. С криком «Бля!», он рухнул назад с закрытыми глазами, ударившись затылком, он вновь произнёс: «Бля!» и сел на пол с открытыми глазами.

Коллеги по обороне стола начали его трясти.

– Вы тоже уже ТАМ? – буднично спросил Бахытжан.

– Где?

– В раю. Вас тоже стрелой убили?

– Паду ли я стрелой пронзённый. Ага, гачпекнусь я дрючком, пропертый... Да живой, ты Бахыт, живой. Он, бумажной пулькой, из резинки тебе в лоб попал. Вот, смотри, – сказал Станислав Александрович и протянул послунявленную и свернутую под углом в 90 градусов полоску бумаги.

Баха окончательно пришел в себя, его лицо приняло доброжелательно-мстительное выражение, и он грозно пропел:

– Сейчас прольется чья-то кровь! Пленных не брать!

Профессор слабо отбивался, но итог боя был предрешен.

Вождь-профессор был весь изранен осколками от сервиза, однако сначала его связали за руки и за ноги и лишь потом облили его из пузырька с йодом. Когда йод закончился, в ход пошла зеленка.

Потом продев палку от швабры между руками и ногами пятнистого профессора, Жора и Бахытжан снесли свой охотничий трофей в машину.

Возле машины они закурили.

– А чего это он с катушек сорвался? – спросил Баха

– А кто его знает? -задумчиво произнес бывалый фельдшер, – Как в Экклезиасте написано: «Многие знания, многие печали»... Грустно все это, теперь его племенем и надолго, станут пациенты в третьем буйном отделении. Ладно, залазь в машину. Надо еще успеть отдохнуть перед новой Африкой...

Гиппократ в операционную!

Два врача стояли у распахнутого окна и курили.

– Короче, этот старый хрен уперся и говорит, что это банальный аппендицит. А Гиппократ ему с большим почтением: «Вы меня, конечно, профессор, извините, но аппендектомию пациент перенёс шесть лет назад!»

А Лебедев ему: «Значит, ему нужен не хирург, а психиатр!»

Гиппократ в ответ: «Нельзя исключить дивертикул Меккеле¹!»

И что ты думаешь, Гиппократ оказался прав!!

– А я вот помню, когда практикантом начинал, слушаю больного, а сердца-то и нету!

– Как так нету?!

– А вот так нету! Я, как положено, слушаю больную по поводу двухсторонней пневмонии, конечно, и сердце тоже, а его не слышно! То есть вообще не тук-тук! Выбегаю из палаты, а навстречу мне Гиппократ; ну, я ему и выпалил всё как есть, мол, нет у больного сердца – и всё тут! А он стоит, хитро улыбается и спрашивает: «А вы, коллега, справа слушать пытались?»

Я, конечно, обиделся! «А зачем? Сердце-то всегда слева, а печень справа. Что я, медицину не знаю?» А он так спокойно: «Видимо, знаете, но недостаточно». Тут я обиделся во второй раз. А он мне руку на плечо положил и говорит: «Вы про зеркальный синдром Картагенера слышали?»

Тут я по-сократовски морщу лоб и показываю мыслительный процесс всеми клетками тела! Говорю, что-то смутно припоминается...

– Ага, по-моему, ты только мускулус глютеус напрягаешь!

– Сам ты задницей думаешь!

Кинулся я больничную библиотеку, и что ты думаешь? Опять наш Гиппократ прав оказался! Я даже наизусть запомнил. Вот слушай: «Синдром Картагенера является полной или частичной „зеркальной“ транспозицией внутренних органов в сочетании с бронхоэктазами и хроническим синуситом. Более половины больных с подобным синдромом имеет situs viscerus inversus -транспозицию внутренних органов (сердце справа, печень слева и т.д.), что в совокупности составляет синдром Картагенера».

К врачам приблизилась девушка и представилась:

– Я корреспондентка «Вечерней Алма-Аты», Карлыгаш Биржанова. А как бы поговорить с вашим светилом, Гиппократом?

– Там он, в ординаторской, проверяет истории болезней.

Когда девушка зашла, в ординаторской сидел бородатый полнеющий здоровяк, перед ним лежала внушительная стопка историй болезней. Корреспондентка взглянула на сидящего доктора с восхищением и подумала: «Такой молодой и уже профессор!»

– Извините, я понимаю, что вы заняты. Но мне сказали, что вы здесь, а мне надо взять у вас интервью.

– А что, кроме меня больше не у кого?

И он со скептической усмешкой посмотрел на молодую гостью.

– Понимаете, это мое первое интервью... Если я его не напишу, оно же будет и последним.

Из её глаз скатились две крупные слезы.

¹ Дивертикул Меккеле является наиболее частой врожденной аномалией развития желудочно-кишечного тракта. Обычно обнаруживается на нисходящем участке подвздошной кишки. В случае воспаления имитирует клиническую картину острого аппендицита. Поэтому при аппендектомии обязательно должен быть выполнен осмотр тонкой кишки на расстояние до 1 метра. Основными клиническими признаками Меккелева дивертикула являются: боль в правом нижнем квадранте живота, заворот кишки, кишечная непроходимость, иногда кал со следами крови. В два раза чаще встречается у мужчин.

– Ну вот, чуть что – и сразу плакать! Ладно, садитесь... Давайте-ка я вам с мороза чайку налью. У меня чай хороший, краснодарский.

Через несколько минут электрический чайник вскипел. Врач ошпарил кипятком пузатый заварной чайничек и засыпав заварку заварил чай, затем не торопясь он налил до половины большую голубую пиалу и поставил вазочку с конфетами перед гостьей.

– С чего начнём?

– Расскажите о себе.

– Родился я на Дальнем Востоке. Давно это было. Родители были у меня геологами.

– А почему были?

Врач помолчал и задумчиво посмотрел на корреспондентку.

– Потому что погибли. Их никто не предупредил, что рядом в карьере идут взрывные работы, а накануне отец наткнулся на какой-то интересный минерал и хотел показать это место матери. Ну, в общих чертах, всё так и произошло.

Из родных у меня остался дед по отцовской линии, старый знахарь. Он там на всю округу был известен. До врачей там по сто вёрст в каждую сторону. Ну, и он, поскольку окончил фельдшерские курсы ещё до войны, лечил всю округу.

– А сколько ему было лет?

– Почему было? Моему деду Архипу в этом году девяносто стукнет. Вот планирую съездить на пару неделек... Охота, рыбалка, тишина. Одним словом, тайга!

– Ваш дедушка хорошо знает медицину?

– Ещё бы, у него над кроватью две шашки с гравировкой висели, одна от легендарного командира Красной Армии «Товарищу Архипу Зубцову, за спасение жизни 18 красноармейцев. Василий Блюхер», а вторая от самого атамана Семёнова: «Лекарю Зубцову от спасённых казаков».

Так вот, все мои книжки были дореволюционными учебниками медицины и анатомии; я-то и школы нормальной не кончал.

– Как так?

– Когда родителей не стало, он увёз меня к себе в тайгу. Было мне лет одиннадцать. Дед договорился в областном центре и брал учебники по программе на год, а потом раз в году я сдавал экзамены по всем предметам, даже закончил школу с золотой медалью.

– А разве так можно?

– Конечно, нельзя. Но дед спас при родах жену завоблоно, и тот ему поклялся, что «мать родную продаст, если Архип Степанович только попросит».

– А когда вы начали интересоваться медициной?

– Так у меня времени интересоваться практически и не было! Дед гонял меня по учебникам «как сидорову козу». Так что путь свой в медицине я начал лет с двенадцати, а первые роды принял в четырнадцать...

– Как приняли роды?!

– Вот этими руками. Дед тогда на охоте ногу сломал и не мог стоять, вот и пришлось мне на «газике» сорок километров пилить по тайге-матушке. Ну, ничего, справился. Потом поступил в иркутский мединститут. Скучновато было, но ничего. Очень хотелось быть хирургом, ведь первый аппендикс я под руководством деда удалил за год до поступления в мединститут. А потом распределили в Казахстан, вот здесь и работаю...

Тут по селектору разнеслось:

– Гиппократ срочно просят пройти в операционную. Повторяю, Гиппократ срочно просят пройти в операционную!

– Извините, мне нужно идти, – извиняющимся тоном произнес бородач.

– Ещё один последний вопрос. Это вас так дедушка назвал в честь отца медицины?

– Да нет, родители вообще-то меня назвали Серёжей, а так меня молодые врачи называют, вроде как в шутку.

Тут дверь широко распахнулась, и в дверях появился маленький старичок, чья седая шевелюра была включена. Он по-детски всплеснул руками:

– Сергей Викторович, голубчик! Вся надежда на вас. Привезли второго секретаря горкома, похоже, кишечная непроходимость. Выручайте!

– Хорошо, профессор, уже иду. Ну, что ж, прощайте, барышня, надеюсь, интервью получилось!

И он стремительно вышел из ординаторской.

Изумленная корреспондентка стояла, открыв рот, и наконец спросила:

– Так он не профессор Лебедев?!

– Нет, – старичок снял очки, протер их полкой халата и водрузил снова на нос, – профессор Лебедев – это я, а он... Он – Гиппократ!!!

Пингвин в розовых тапочках

Васюков, зажмурив глаза, нетвердой походкой вошел в ванную. Медленно, как створки раковины-жемчужницы, набухшие веки приоткрылись, явив миру маленькие пороссячи глазки, густо опутанные коралловой сетью капилляров. Взгляд, упавший в зеркало, превратился в протяжный вздох, который вместе со струей воды скатился по водостоку и уплыл в канализационное никуда.

В зеркале опять показывали сериал ужасов: «Пятница, тринадцатое, утро». Подвигав щеками и обнажив желтоватые зубы, Васюков с ненавистью посмотрел на зубную пасту «Кедровый бальзам» и мысленно передразнил актёра: «А главное – бобриха будет довольна!» И набрав в грудь воздуха, как витязь перед решающей битвой, обреченно произнёс:

– Люся, я тебя люблю!

В это время Люся, располневшая блондинка, колдовала над раковиной, пытаясь отмыть с помощью «долбанного Фэри» сковородку от последствий модного французского рецепта «говядина по-индийски». При этом параллельно проклинала обеих своих подружек: Светку – за рецепт, а Ирку – за статью из «Вокруг света» про корову – священное животное Индии.

Тусклый голос мужа из ванны так же напоминал «Зов любви», как тарелка с засохшими остатками яичницы – счастливую семейную жизнь. Поток Люськиных мыслей был на мгновение остановлен, но только лишь на мгновение.

– Врёшь ты всё, – устало произнесла жена, и мяч был возвращён на площадку противника.

Из дверного проёма медленно появилось опухшее лицо, причём левый глаз богатством красок не уступал японскому телевизору «Сони-Тринитрон». Медленно плывущая по коридору фигура Васюкова, напоминающая модель резинового человечка фирмы «Мишelin», была украшена зеленой майкой с номером «8» и пёстрыми семейными трусами модели «Пожар в джунглях». Тело двигалось в направлении кухни, сопровождая свой путь чмокающим звуком порванной подошвы тапочка.

Его взгляд укоризненно сверлил жену, при этом губы шептали заклинание:

– Люська, ну хоть раз ты будешь человеком?

С тем же успехом можно было бы получить ответ у статуи великого вождя на вопрос: «Ну и где же наше светлое будущее?»

Васюков решил подкрепить слова действием. Он, зажмурившись, мокро чмокнул жену в дряблую щёку. В голове у него смутно промелькнула картина, когда один мужик в простыне целует другого. Там ещё фигурировала какая-то символическая, кажется премиальная, сумма рублей в тридцать. Три десятки чудесным образом превращалась в три прозрачные емкости, причём на каждой из них надеждой зеленела надпись: «Столичная».

Васюков тряхнул головой, и видение исчезло. Оставался ещё один последний шанс.

– Дай хоть трешку, в последний раз, – и рухнул на колени.

– Да подавись ты, злыдень, – в сердцах закричала жена и, порывшись в карманах мятого халата, вытащила рублёвку. Смачно плюнув на неё, припечатала ко лбу мужа. Со стороны эта картина напоминала посвящение в рыцари, где роль меча скромно исполняла рублевая ассигнация образца 1961 года.

Васюков ощутил чудесное лёгкое покалывание в области лопаток, переросшее в физическое ощущение двух белоснежных лебединых крыльев. Натянув голубое трико и сунув босые ноги в стоптанные кеды, он вылетел на лестничную клетку. Лифта не было. Шестой этаж не давал повода к унынию. Едва касаясь земли, Васюков промахивал лестничные пролеты, несясь навстречу Судьбе, которая ждала его на втором этаже.

Встреча с Судьбой напоминала ситуацию, когда кто-то на полном ходу поезда сорвал стоп-кран.

Возле двери с номером 37 стояло Животное. Это было не простое животное. Оно в точности совпадало с изображением в учебнике географии, которое хорошо помнили не только два верхних, но и два нижних полушария Васюкова-младшего, в которые папа Васюков с помощью ремня старательно вколачивал знания.

Это был ПИНГВИН!.. Настоящий живой пингвин. Образ пингвина органично дополняли розовые пушистые тапочки с помпонами.

Встреча двух цивилизаций закончилась позорным бегством Васюкова. С криком: «Люся, я видел пингвина в розовых тапочках!» он ворвался, подобно тайфуну, и, тяжело дыша, уставился на жену.

– А носорога с шарфиком ты не видел, алкаш несчастный? – ядовито спросила Люся.

– Нет, – искренне ответил Васюков.

– Хорошо, – сказала жена и, успокаивая, погладила его по небритой щеке, – сейчас поедem к доктору Айболиту, он тебя вылечит.

Через 15 минут такси доставило чету Васюковых к приёмному покою горпсихбольницы. Пахло хлоркой и хвоей. За столом сидел молодой врач, а его пожилой коллега, стоя ел яблоко и грустно вглядывался в пейзаж, состоящий из четырёх мусорных баков и двух облезлых котов. Когда Васюковы вошли, стоящий у окна оторвался от созерцания и произнес:

– Ну, вот и Ваш первый пациент, дерзайте, мой юный друг.

В течение 15 минут врач пытался собрать анамнез, но Васюков с завидным постоянством возвращался к пингвину. Молодой доктор растеряно повернулся к старшему коллеге:

– Сергей Витальевич, что-то здесь запутано...

– Это «белка», – не глядя на сидящего за столом коллегу произнёс Сергей Витальевич, метко бросив огрызок в помойное ведро.

– Это не белка, – угрюмо сказал Васюков, – что я, белок не видел? Это был пингвин в розовых тапочках.

– Конечно, конечно, – ободряюще произнес Сергей Витальевич, – звоните в «тройку», пусть Зураб с Колей подойдут.

Буквально через несколько минут появилось два молодых человека, размеры грудных клеток и бицепсов которых указывали, что Шварценеггер приходится им самым младшим братом.

Взяв обмякшего Васюкова под руки, они повели его к двери и последний крик: «Я видел живого пингвина!..» угас, как пламя свечи от открытого окна.

Люся всплакнула и укоризненно сказала докторам:

– Может, он и сумасшедший, но не дурак, чтобы белку от пингвина не мог отличить.

Пожилой врач снял очки и, потеряв переносицу, устало спросил:

– Голубушка, ваш муж пьет много лет? – Люся активно закивала головой. – А сегодня не пил и не похмелялся? Так вот у него и развился галлюцинаторный синдром на фоне отмены ежедневных возлияний, по латыни «Delirium tremens», в просторечье – белая горячка, а на жаргоне «белка»... Ну да ладно, езжайте домой. Наведайтесь к нам через неделю.

Неделя переросла в две, потом в месяц...

За это время Васюков узнал много нового, из которого ничего не было приятным и интересным.

Лечение было комплексным... «Сульфазин в четыре точки» вызывал у него подъём температуры, явно превышающий градус любимой столичной. У него появились видения в виде танцующих летку-енку пингвинов почему-то с набрюшными сумками – как у кенгуру, из которых они доставали то «Столичную», то плавленый сырок «Волна», то уже наполненные кружки с пивом...

На гипнотических сеансах Васюкову вбивали информацию, что «пингвин» – это результат его любви к зелёному змию, и, стоит Васюкову опрокинуть стаканчик, как появится пингвин, а может, кто и хуже. От галоперидола Васюкова «сковало» в такую скульптуру, по сравнению с которой Роденовский «Мыслитель» выглядел гуттаперчевым акробатом... От аминазина кружилась голова, а валиум погружал в сон, где роль чудовищ исполняли все те же проклятые пингвины.

Васюкову казалось, что кошмар будет длиться вечно. Но судьба смилостивилась, и ночью он услышал обрывок разговоров санитаров:

– А я тебе так скажу, Зура, хоть он и псих, а мне его жалко. Сказал бы «двум вождям», что, мол, кончились пингвины и пить больше не буду – давно бы уже дома был...

Всю ночь Васюков не спал, а наутро, испросив электробритву «Харьков» у дежурного санитаря и надев чистую пижаму, попросился на прием к «двум вождям».

«Два вождя» были кличкой одного человека, и заведовал он «буйной тройкой», а звали его на самом деле Карл Ильич. Со слезами на глазах Васюков поведал ему, что он исправился, пить больше никогда не будет, и что проклятые пингвины исчезли навсегда.

– Ну что ж, батенька, – старенький Карл Ильич протянул Васюкову руку, – сегодня домой, но помните! Больше ни-ни, а то пожалуете опять к нам, и надолго...

Васюков активно замотал головой, и, почему-то отдав пионерский салют, поклялся никогда не брать в рот спиртного. А потом добавил фразу из понравившегося ему фильма: «И если я когда-нибудь нарушу свою клятву, пусть меня покарает суровая рука моих товарищей» (при этом образы товарищей в виде санитаров Коли и Зураба ярко вспыхнули в голове Васюкова).

Прошло три месяца... Васюков исправно ходил на работу и с тоской в голосе отказывался от пивка после смены.

Наступило очередное воскресенье... Васюков грустно смотрел «Международную панораму». Показывали праздник пива не то в Голландии, не то в Германии. Журналист вдохновенно рассказывал о различных видах пива... Васюков раздраженно переключил программу, там показывали «Неуловимых мстителей».

– Вовчик, – ласково позвала жена, – у нас соль кончилась. Я тут борщ твой любимый варю, иди, попроси у соседей, только оденься поприличней.

Васюков нехотя натянул брюки, надел китайскую олимпийку с выцветшей надписью: «Адидас», обулся и вышел на лестничную площадку. Соседей не было дома... Лифт опять не работал, и Васюков поплелся на этаж ниже, но и там никто не отвечал. «С дачи ещё не вернулись», – тоскливо подумал Васюков, и тут ноги сами понесли его к двери квартиры 37. Он позвонил.

– Открыто, – услышав голос, Васюков с опаской вошёл. Навстречу из кухни вышел бородач в старом свитере и надетом поверх него клеенчатом фартуке.

– Вот, жена в экспедиции, приходится самому стряпать. Да вы в зал проходите, я сейчас...

Васюков снял туфли и виновато вступил на белый пушистый ковер, который оказался шкурой белого медведя.

Стены были увешаны фотографиями и географическими картами. В углу стоял громадный старинный глобус. Присев на краешек дивана, с любопытством осматривал комнату, но тут вошел бородач и, протянув руку, представился:

– Эрнест, биолог-исследователь. Рад познакомиться!

– Вова, – смущенно представился Васюков.

– Ну что, Владимир, сейчас я вам покажу нечто особенное. Закройте глаза и считайте до десяти.

Васюков послушно зажмурился и начал считать.

Он слышал, как хозяин прошел в соседнюю комнату и позвал:

«Фердинанд, ну пойдём, познакомишься, не стесняйся...»

Васюков честно досчитал до десяти и открыл глаза. Крик ужаса застрял в горле: рядом с улыбающимся Эрнестом стоял... пингвин.

– Знакомьтесь, Владимир, это большой королевский пингвин, зовут его Фердинанд. Он наш антарктический гость. Он у нас уже почти полгода. Жалко будет с ним расставаться, завтра опять в экспедицию, а ухаживать некому, придется отдать в зоопарк...

Васюков с лицом статуи с острова Пасхи смотрел то на биолога, то на пингвина.

– Господи, да вы не бойтесь, я уверен, вы с ним подружитесь, я сейчас... – он вернулся на кухню и принес замороженную мойву, – ну смелее, дайте ему!

Васюков протянул рыбку, и пингвин аккуратно взял её клювом.

– Елки-палки, мы даже за знакомство не выпили! У меня же от прошлой экспедиции «Наполеон» остался, французы подарили, – распахнув глобус, биолог достал три стаканчика и пузатую бутылку «Наполеона».

Поймав дикий взгляд Васюкова, Эрнест произнес: «Фердинанду чисто символически».

Сначала они выпили за знакомство, потом за хороших соседей, за Антарктику, потом покурили хороший трубочный голландский табак. Васюков посмотрел на часы, стрелки klo-нило к десяти. Нетвердой походкой он направился к двери.

– Спасибо, мне пора...

Подымаясь наверх, Васюков мучительно пытался вспомнить, зачем же он все-таки выходил, но в голове почему-то вертелась обида на Фердинанда, так как он один сожрал почти всю банку рижских шпрот, предназначенную на закуску.

Толкнув дверь, Васюков отметил, что свет в коридоре выключен, он осторожно заглянул в зал и увидел заплаканную жену с телефонной трубкой.

– Где ты был, сволочь! Я все морги обзвонила... – причитала Люся и вдруг, учуяв давно забытый запах, приказала: – А ну дыхни, гад!

– Ну, чё ты, прямо, – начал виновато канючить Васюков, – ну посидели немножко втроем, выпили за дружбу: я, Эрнест и Фердинанд...

– Что это за Фердинанд такой?

– Пингвин, ну который раньше был в розовых тапочках, он завтра в зоопарк уезжает, а Эрнест в экспедицию...

– Та-а-к, с пингвином, значит, пил, – вынесла вердикт жена.

– Не! – радостно сообщил Васюков, – мы ему только «Наполеоном» клюв смочили.

Люся уже механически набрала «03» и попросила прислать «девятку», как учил Карл Ильич, объяснив, что у мужа «белая горячка».

Через пятнадцать минут жена с притихшим Васюковым вошли в приемный покой, где их встретил Сергей Витальевич и, подмигнув, заговорщически спросил:

– Ну, кого вы на этот раз у себя в подъезде встретили – жирафа, белого медведя или просто Чебурашку?

– Никаких Чебурашек не было, – обиделся Васюков. – Просто посидели, выпили немножко – я, Эрнест и Фердинанд...

– Простите, а Эрнест был с бородой, в свитере и трубку курит?

– Точно, а откуда Вы знаете?

– Да так, – уклончиво сказал доктор, – книжки почитываю иногда. А Фердинанд, часом, не эрцгерцог?

– А вот и не угадали, он просто королевских кровей.

– Пожилой такой мужчина, – уточнил доктор.

– Нет, это не мужчина, – произнес Васюков.

– Женщина? – удивленно вскинув брови, переспросил Сергей Витальевич.

– Пингвин, – радостно выдохнул Васюков ну тот самый, который раньше был в тапочках...

– Стало быть, симптомы вернулись, – горько констатировал врач. – Ну что, Папанин, на этот раз будем избавляться от пингвинов по-взрослому, раз и навсегда, – и, подняв трубку, произнёс: “ Зураба с Колей в приемный покой».

День Дурака

Есть дни, которые не забываются на протяжении всей жизни. Особенно те, в которых дата начала трудового пути, совпадает с датой его окончания. С разрывом в пятнадцать минут.

Сергей Васильевич Коржиков, розовощекий молодой человек, только что вновь испеченный врач-интерн прошел через облезлые, покрытые грязно-зеленой краской железные ворота, охраняемые сторожем Карпычем.

– Дохтур, так дохтур! Не боишься сам-то психом стать? – хитро щурясь произнес сторож в красноармейской пилотке.

Молодой эскулап застыл на месте.

– Да не робей, пехота! Я здесь уже почти тридцать лет. Сначала было тяжело, когда в буйном лежал. Недели две зеленых поросят из-под кровати выгонял.

Глаза доктора стали выразительно большими.

– Не я не псих. Я по алкогольной части. Был. А вот уже 29 лет ни-ни. Только томатный сок. Хочешь?

– Нет, спасибо! – поблагодарил гостеприимного сторожа доктор. – У меня от него изжога. Я пойду, у меня сегодня первый день.

– Ну давай-давай! – напутствовал его охранник, приятельски похлопав по плечу нового врача.

Территория больницы была огромной. Рассказывали, что дежурный врач здесь ездил между отделениями на машине.

Первым кого Коржиков встретил была сказочная сторбленная старушка, не смотря на июнь месяц, в сером ватнике и теплом красном клетчатом платке.

– Ой милоч! Дай бабушке двадцать копеечек на сметанку.

Сережа порылся в карманах.

– У меня только пятьдесят копеек.

– Вот спасибочки, сынок! – и старуха проворно схватила полтинник из Серёжиной руки и бодро двинулась дальше.

Еще через несколько минут он повстречал двух запыхавшихся здоровяков в грязных халатах.

Один бесцеремонно обратился к Серёже

– Слышь, мужик. Мы тут типа того, санитары. Ты тут маленькую бабку в тулупе не видел?

– Да, она к воротам пошла!

– Ах черт, не досмотрели. Давай к воротам!

Коржиков двинулся дальше, а они рванули по направлению к воротам и вдруг остановились.

– Эй! – окликнули они Сережу, – А ты двадцать копеек давал?

– Нет, у меня их не было, – начал Коржиков.

– Фу, вроде бы пронесло! – сказал

– Я полтинник дал!

– Е мое, опять этой старой гримзе клизму ставить!

– Почему? – удивился Коржиков, – Зачем после сметаны клизму?!

– Да какая там сметана! Она же мелочь натошак глотает, прошлый раз, когда ей желудок резали, вытащили два рубля тридцать семь копеек.

Потом была еще одна знаковая встреча...

Доктор Коржиков с интересом рассматривал четырехгранный ключ, выданный ему под роспись старшим медбратором областной психиатрической больницы Самуилом Лазаревичем Купферштейном.

– Будьте внимательны, доктор Коржиков, – наставлял его старичок. – Не вздумайте потерять или не дай бог, дать его кому-нибудь из больных. Уголовное дело! Расстрелять, не расстреляют, сейчас не тридцать седьмой год, но пятилетку на нарах припаяют легко. И будете петь вместе с уголовным коллективом: «А на нарах, а нарах, ну почти как на Канарах!» Помню чалился я в 1938 году в Дальлаге, был у нас такой случай...

Сережа от ужаса икнул и тихо произнес:

– Я, наверное, пойду. Меня заведующий ждет.

Доктор Коржиков остановился перед входом в отделение. Там на стене висело большое зеркало. Надо было прорепетировать свою первую беседу с заведующим. Например, так:

– Дорогой Степан Андреевич. Меня зовут Сергей Коржиков, я был старостой психиатрического кружка на пятом и шестом курсе. Теперь решил продолжить здесь свой путь в медицину.

Нет, не годится. Как-то коряво. Лучше так:

– Степан Андреевич, сегодня мой первый день в психиатрическом отделении. Надеюсь перенять Ваш многолетний опыт и хотел бы чтобы это стало моей профессией на всю жизнь.

Не-е не пойдет, слишком много пафоса. А если вот так:

– Уважаемый Степан Андреевич! Я доктор Коржиков, надеюсь стать Вашим учеником и надежным помощником!

Во, круть!!! Это точно подойдет. Против такого никто не устоит.

Дверь отделения неожиданно приоткрылась и появилась голова молоденькой медсестры.

– Вы доктор Коржиков?

– Да я...

– Вас просит к себе заведующий, – быстро добавила она и захлопнула дверь.

Сергей поправил галстук. Придирчиво осмотрел халат, накрахмаленный и отутюженный мамой, до хруста. Три ручки красная, синяя и зеленая, застыли в нагрудном кармане, как солдаты в карауле.

Главное произвести первое хорошее впечатление и не забыть ничего!

Дверь была закрыта, на привинченной табличке медной табличке значилось: «Заведующий первым острым отделением Степан Андреевич Крутиков». Ниже гвоздем кто-то нацарапал кривыми буквами: «Козел».

Доктор Коржиков постучал в дверь.

– Войдите! – услышал он приглушенный мужской голос.

Сережа толкнул дверь и автоматически выпалил:

– Уважаемый Степан Андре...

И застыл. В кабинете никого не было. Совсем. То есть мебель была. Например, стол. Большой, директорского масштаба. Но под столом никого не было.

Не было никого и в шкафу, кроме полупустой бутылки коньяка «Арарат» и двух накрахмаленных халатов.

Сергей все осмотрел вокруг и даже выглянул в окно. Там росли на клумбе ядовито—фиолетовые гладиолусы, следов на ней не было.

– В воздухе растворился! Прямо Куперфильд какой-то! – сказал он сам себе вслух.

– Я здесь, – услышал он сдавленный голос и повернулся с ужасом, ожидая увидеть удавленного заведующего.

Но весь ужас был в том, что в комнате никого не было.

– Я наверху. На самом верху, – голос был уже сердитый, но по-прежнему сдавленный.

«Уже вознесся», подумал Сергей и посмотрел на лампу дневного света. Так и есть, где же он. Сначала длинный белый коридор, по которому несется вновь представленная душа, потом яркий свет. А мы даже не успели познакомиться...

– Там никого нет, вслух произнес Сергей, крестясь во все стороны

- Нет есть! – упорствовал мужской голос.
 - Нет там никого! – сказал убеждено Сергей.
 - Я на шкафу!
- Сергей сглотнул слюну и поднял взгляд на шкаф.
Заведующий скрючившись сидел на верху и дел приглашающий жест рукой.
- Залазь скорее сюда!
 - Зачем?!!
 - Сейчас зайдет старшая медсестра, мы ее напугаем!
- Доктор Коржиков рванул из отделения с криком:
- Не хочу, не хочу быть психиатром! Я нормальный!

Белеет парус одинокий...

Дело было так. Решили как-то три врача отметить своё поступление на курс по наркологии, а на дворе стоял суровый 1987 год. Помните, был ещё тогда популярный анекдот, что лучший приз за антиалкогольную пропаганду – бутылка коньяка; а ещё был и другой, это когда папаша с сыном смотрят на длинную-длинную очередь, и сыночек спрашивает: «Папа, а это очередь в музей или за водкой?» «В музей водки, сынок», – грустно отвечает отец.

В общем, это было то самое время типа начала ледникового периода, когда всё постепенно начинало вымирать, и первой пала водка...

Ну, не одна она, конечно, с сотоварищами, – там портвейны всякие, даже живительный пивной родник высох. Люди в гости ходили со «стеклянным подарком» или там на премьеру в театр по «стеклянному билету»...

Так вот, собрались они как три васнецовских богатыря в городе на Неве, значит; один из них был представителем Средней Азии, второй из Челябинска, а третий, вы не поверите, из Биробиджана.

На улице февраль, холодно, минус двадцать один. Денег тоже небогато. Куда идти, не знают, сунулись в пару ресторанов. То ли вид у них был слишком интеллигентный, то ли им правду сказали: «Мест нет».

Стоят, мёрзнут возле третьего, где сказали, что, возможно, пустят, когда места случайно освободятся... Тут азиатский коллега и говорит: «Пойдем ко мне в комнату в общежитии, у меня во-о-от такенная дыня есть. И чай, хороший, крепкий чай».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.